

© 1993 г., ЭО, № 1

И. И. Шангина

90 ЛЕТ РОССИЙСКОМУ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМУ МУЗЕЮ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ *

День 10 января ст. ст. 1902 г. Н. М. Могилянский, известный антрополог и этнограф начала XX в., назвал днем рождения нового этнографического музея России. В этот день правительством было открыто финансирование и утверждены штаты Этнографического отдела Русского музея императора Александра III, учрежденного указом императора Николая II от 13 октября 1895 г. в Санкт-Петербурге¹. Этнографы России считали день 10 января своим большим праздником. Они получили возможность создать музей, отвечающий всем требованиям современной им этнографической науки.

Необходимость основания этнографического музея — музея народов России — стала очевидной в последней трети XIX в., хотя зародилась в умах этнографов еще в 40—60-е годы². Это было вызвано интересом русского общества к своему отечеству, развитием самой этнографической науки, которая, ориентируясь на запросы общества, все более склонялась к изучению традиционной культуры народов России, особенно материальной, и неудовлетворительным состоянием этнографических музеев страны. Два этнографических музея России — Музей антропологии и этнографии Академии наук (МАЭ), преемник Кунсткамеры, организованной Петром I в 1714 г.³, и Дашковский этнографический музей с отделением иностранной этнографии, созданный в 1867 г. в рамках Московского публичного и Румянцевского музеев⁴, не могли удовлетворить потребности ученых и широкой публики в их желании познать свое отечество. Собрание МАЭ включало в основном коллекции по традиционной культуре стран Азии, Африки, Америки, Океании; коллекции же по этнографии народов России, особенно восточнославянских, составляли лишь небольшую часть его экспонатов. Собрание Дашковского музея, в котором традиционная культура народов России была представлена гораздо полнее, все-таки не позволяло составить целостного представления об их этнографическом своеобразии. А. Н. Пыпин писал в 1885 г. о собрании Дашковского музея: «...оно далеко не отвечает тому громадному этнографическому материалу, какой представляется бытом русского и инородческого населения России»⁵. Содержание собраний МАЭ и Дашковского музея не удовлетворяло этнографов конца XIX в. и с точки зрения возможностей их использования как источников научных знаний. В последней трети XIX в. требования этнографов к ним стали более жесткими. Собрание экспонатов могло стать, по словам А. Н. Пыпина, «пособием для научных изысканий»⁶ только в том случае, если оно было скомплектовано с учетом всех требований, предъявляемых исследователями к научному источнику. Коллекции МАЭ и собрание Дашковского музея, создававшиеся с помощью «дарителей», «жертвователей», «местных знатоков и собирателей», не имевшие точных аннотаций, состоявшие часто из случайно поступивших вещей, выступать в этой роли не могли. Кроме того, возможности развития этих музеев, не финансирувавшихся, существовавших на одноразовые поступления от меценатов, были ограничены. Е. Варб в статье, посвященной Румянцевскому музею, писал в 1892 г.: «...недостаток средств и

* Прежнее название — Государственный музей этнографии народов СССР (ГМЭ).

какая-то заброшенность сделались хроническим недугом музея, и печальные атрибуты нищенства обратились в неотступных его спутников на всем пространстве его мученического существования»⁷.

Новый этнографический музей России должен был, как считали этнографы, принципиально отличаться от двух уже имевшихся в Петербурге и Москве музеев. Указ Александра III о создании Русского музея с Этнографическим отделом предоставил им возможность воплотить в жизнь ту идеальную модель этнографического музея народов России, с четко определенным профилем и тщательно продуманной концепцией деятельности, которую они теоретически разрабатывали на протяжении второй половины XIX в. На нужды музея выделялась огромная по тем временам сумма — 40 тыс. руб. ежегодно, не считая затрат на строительство нового здания музея, которое было начато в 1901 г.

Программа деятельности Этнографического отдела Русского музея рассматривалась на трех совещаниях в январе-феврале 1901 г., на которых присутствовали известные русские ученые — А. Н. Пыпин, В. И. Ламанский, А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, И. Н. Смирнов, Н. П. Кондаков, В. В. Стасов, Д. А. Клеменц и др.⁸ В течение 1903 г. в ее обсуждении на заседаниях историко-филологического отделения Академии наук⁹ принимали деятельное участие директор Музея антропологии и этнографии академик В. В. Радлов, академики С. Ф. Ольденбург и В. В. Латышев. Программа была утверждена 4 октября 1903 г. на общем собрании Академии наук. Великий князь Георгий Михайлович, управляющий Русским музеем, оценивая результаты этих обсуждений, писал, что они «указали направление, представляющее наиболее благоприятные условия для развития научной самостоятельности отдела»¹⁰. Непосредственной работой по детальной разработке программы деятельности музея занимались штатные хранители Этнографического отдела Н. М. Могиланский, Е. А. Ляцкий, К. А. Иностранцев под руководством заведующего отделом Д. А. Клеменца. В этой работе принимал также участие товарищ управляющего Русским музеем Д. И. Толстой, на квартире которого проходили все заседания этнографов музея.

Этнографический отдел Русского музея получил статус музея научно-публичного. В понятие «научный музей» в конце XIX — первые 20 лет XX в. вкладывалось несколько иное, чем в наше время, содержание. С точки зрения музейных деятелей того времени, научный музей должен заниматься формированием «научного собрания экспонатов», т. е. собрания, которое станет полноценной базой вещевых источников для исследований этнографов. Ф. И. Шмит называл «научный музей» своеобразной лабораторией, где идет активная работа с экспонатами, «подбирается материал, необходимый для очередных научных работ»¹¹. Публичный же музей, по представлениям начала XX в., — это музей, открытый для широких масс, в котором подбор материала осуществляется несколько иначе, чем в «научном музее». В публичный музей должны поступать экспонаты яркие, занимательные, художественно-выразительные, соответствующие возможностям их восприятия посетителями — «неученой публикой»¹². Сочетание в одном отделе как бы двух музеев — научного и публичного — было явлением новым в музейном деле России и отвечало потребности демократически настроенных этнографов не только развлекать широкую публику занимательными, экзотическими вещами, но и просвещать ее, приобщать к научным знаниям.

Комиссией Академии наук, в состав которой входили С. Ф. Ольденбург, В. В. Радлов и В. В. Латышев, профиль Этнографического отдела был определен четко: этнографическое изучение народов России. В докладе этой комиссии говорилось: «...в своей деятельности он (Этнографический отдел) ограничивается исключительно Россией и прилегающими странами, т. е. является музеем территориальным, поэтому сама цель его — представить картину этнографического протяжения нашего отечества, картину быта народов, обитающих в России и в непосредственном соседстве с нею»¹³. Задача изучения народов «сопредельных

с Россией стран» объяснялась потребностью иметь в музее сравнительный материал, наличие которого позволит лучше раскрыть культуру народов России.

Музей должен был исследовать все народы Российской империи. Однако при этом подчеркивалась необходимость первоочередного изучения «русского племени»: русских, украинцев, белорусов. Д. А. Клеменц на совещании 13 февраля 1901 г. говорил: «...как бы ни смотреть на задачи будущего Этнографического отдела, во всяком случае, русская или, точнее, великорусская часть должна быть в нем само собой преобладающей» — и далее: «...само по себе изучение великорусского племени является уже громадной задачей, какая должна только быть у музея»¹⁴. А. Н. Харузина, поддерживая Д. А. Клеменца, отмечала, что при сборе материала «на первую очередь станет русское племя»¹⁵. А. А. Шахматов в «Записке об организации Этнографического музея» писал: «...главной задачей музея должно быть изучение этнографии русского племени. На этом сходятся мнения всех членов совещания»¹⁶. Такое стремление ученых к преимущественному исследованию традиционной культуры восточных славян и особенно русской культуры вряд ли стоит объяснять, как это еще совсем недавно делалось, шовинистическими тенденциями, сказавшимися при организации Русского музея¹⁷. Необходимость комплектования музейных собраний памятниками русской культуры осознавалась еще в 40—60-е годы XIX в. Этнографы конца XIX в. считали, что первоочередность исследования этнографии восточных славян обусловлена ее слабой изученностью, бедностью вещевых собраний, самобытностью и многовариантностью восточнославянской традиционной культуры, а также быстрым ее исчезновением под влиянием активно наступающих урбанистических форм культуры. А. И. Соболевский на уже упоминавшемся совещании 13 февраля 1901 г. говорил: «...русская этнография так мало известна, что когда будут собираться коллекции, то придется натолкнуться на много неожиданностей», и далее: «редкое племя представляет такой громаднейший интерес, как великорусское. Оно колонизировало весь Восток и при этом обнаружило необыкновенную гибкость, необыкновенное умение приспособляться к разным обстоятельствам и уживаться с соседними народами, не теряя в то же время своей индивидуальности»¹⁸. Остальные народы России, как отмечалось в докладе Комиссии Академии наук, должны изучаться постепенно: сначала более крупные по численности, затем, на втором этапе, малочисленные¹⁹.

Этнографический отдел Русского музея планировал сбор вещевого материала таким образом, чтобы на его основании можно было создать, по словам Н. М. Могилянского, «этнический портрет» каждого из народов Российской империи²⁰. В таком подходе к отбору материала и его анализу нашли отражение идеи Д. Н. Анучина, призывавшего к монографическому изучению каждого отдельно взятого народа²¹, Ф. К. Волкова, считавшего, что «этнология — это наука о народах, их этническом составе и происхождении и их быте материальном и психическом»²², Н. М. Могилянском, полагавшего, что объектом этнографической науки должен быть «народ — коллективная единица — этнический индивидуум, поражающий исследователя изумительным блеском своих особых, ему одному свойственных граней своего быта внешнего и духовного»²³. В качестве руководства для выполнения этой сложной задачи была предложена «Программа для собирания этнографических предметов», составленная Д. А. Клеменцем, Н. М. Могилянским, Е. А. Ляцким, К. А. Иностранцевым и опубликованная в 1902, 1903 и 1904 гг.²⁴ Программа давала подробное описание тем, по которым должны были быть собраны материалы таким образом, чтобы этническое своеобразие того или иного народа было выявлено в них с возможно большей полнотой. В Программе указывалось на необходимость приобретения предметов, которые бы не только демонстрировали, скажем, особенности костюма или орнамента у изучаемого народа, как это было принято в старых этнографических музеях, но и раскрывали его традиционный хозяйственный уклад, будничные домашний быт, праздники, обряды и верования.

Считая необходимым показать через предметный мир «этническую индиви-

дуальность», этнографы стремились к тому, чтобы народ и его культура предстали перед исследователями не в статике, а в динамике, на разных этапах их исторического развития, насколько, конечно, это позволяют этнографические предметы²⁵. В связи с этим этнографы Русского музея считали нужным отойти от традиций этнографических музеев XIX в. комплектовать свои коллекции только вещами старинными, вышедшими или выходящими из употребления. Они полагали, что в музей должны поступать как памятники старины, так и памятники современной этнографам традиционной культуры, по терминологии рубежа XIX—XX вв., — «новообразованья». При этом экспонаты надо подбирать таким образом, чтобы можно было проследить развитие каждого типа вещей во времени. Так, если приобретались старинный и новый варианты костюма, этнограф должен был постараться отыскать и его переходные формы от старинного к новому.

Подход к вещественным памятникам как источнику научных знаний, своеобразному этнографическому документу определил совершенно новое отношение этнографов Русского музея к информации, которая обычно фиксировалась вместе с поступающими в музей предметами. Работники этнографических музеев середины XIX в. не придавали ей обычно большого значения, полагая, что вещь интересна уже сама по себе и может быть использована в научных исследованиях без знания контекста народной жизни. Этнографы Русского музея считали, что вещественные памятники, поступившие в музей без информации о их назначении, происхождении, использовании в будничном, праздничном обиходе или в обрядовой жизни, являются «полным значения, но мертвым алфавитом» (выражение В. Н. Харузиной)²⁶. Этнографическим документом предмет станет только в том случае, если точно будут установлено его место в культуре народа, определены связи с другими вещами и явлениями народной жизни.

Стремление этнографов сформировать в Этнографическом отделе «научное собрание экспонатов» повлияло и на выбор ими методов комплектования. Основным, по их мнению, должен быть экспедиционный метод комплектования. Они считали, что «научное собрание экспонатов», отличающееся «полнотой, точностью, достоверностью», снабженное «научно достоверной» информацией о каждом отдельном предмете, можно сформировать только во время экспедиционной работы среди населения²⁷. Такое отношение к экспедиционному методу сбора материалов было сравнительно новым для этнографов. В середине XIX в. он оценивался как один из многих возможных методов, первостепенного значения ему не придавалось. Этнографы Русского музея, рассматривая различные варианты этнографических экспедиций, известные во второй половине XIX в. в России и Западной Европе, остановились на краткосрочных экспедициях продолжительностью в два-три месяца, работа в которых должна была быть посвящена только сбору экспонатов и информации о них. Они полагали, что именно в таких экспедициях можно в сравнительно короткие сроки, за 5—10 лет, собрать значительный вещевой материал, характеризующий культуру возможно большего числа народов России²⁸. Популярными среди этнографов конца XIX — начала XX в. стационарные экспедиции, в течение нескольких лет тщательно обследовавшие сравнительно небольшую территорию, населенную одним народом, казались им мало перспективными для музея, который только еще начал формировать свои коллекции. Они полагали начать стационарные работы лишь после того, как вещевой фонд в своих основных чертах будет сформирован.

Вторым по значимости (после экспедиционного) этнографы считали метод сбора материалов через корреспондентскую сеть. Этот метод, известный этнографическим музеям и научным этнографическим обществам еще в XIX в., предполагал приобретение вещей для музея специально для этого обученными представителями местной интеллигенции. Этнографы рассчитывали, что люди, хорошо знающие местную жизнь, смогут приобрести для музея полноценные коллекции, в состав которых, возможно, войдут и вещи редкие, мало доступные для постороннего человека, каким является музейный работник, приезжающий для сбора экспонатов на сравнительно короткий срок. Покупка экспонатов на

выставках, в антикварных магазинах, у коллекционеров рассматривалась как нежелательная. Эти вещи, не имеющие, как правило, хорошей аннотации, не могли с полной отдачей использоваться в научных исследованиях, а следовательно, должны были с большой осторожностью вводиться в собрание, формирующееся как база вещевых источников.

Таким образом, концепция становления Этнографического отдела как научного музея была продумана достаточно тщательно и в деталях. Концепция же развития отдела, как музея публичного была разработана менее обстоятельно. Этнографы намеревались обсудить проблемы обслуживания посетителей, создания экспозиций музея — «показательной части», по терминологии начала XX в., после того, как будет сформирован основной костяк вещевого собрания. Правда, на совещаниях 1901 г. были заслушаны мнения ученых о принципах экспозиции создающегося музея. Однако они в какой-то степени повторяли идеи экспозиций Музея антропологии и этнографии и Дашковского этнографического музея. Новым и вызвавшим интерес было только предложение профессора Казанского университета И. Н. Смирнова — создать в Михайловском саду, непосредственно примыкавшем к строящемуся зданию Этнографического отдела, музей под открытым небом. Это был первый проект музея под открытым небом в России²⁹.

Концепция этнографического музея народов России, созданная учеными на рубеже XIX—XX вв., была полностью воплощена в жизнь в деятельности Этнографического отдела Русского музея. К началу первой мировой войны этнографы сформировали «научное собрание экспонатов», насчитывавшее 122 460 предметов, характеризовавших многие народы страны. Особенно значительными по числу экспонатов и их содержанию были русские коллекции, включавшие 38 151 предмет. К 1917 г. была создана и большая часть экспозиции музея. Концепция продолжала «работать» и в дальнейшем, на всем протяжении 90-летней истории музея, ставшего самостоятельным весной 1934 г. и получившего название Государственного музея этнографии (ГМЭ). Вероятно, это один из немногих примеров в истории русской этнографии, когда ученым удалось превратить в реальность идеальную модель, несмотря на все препятствия, которые в разные годы стояли на их пути.

Статью, посвященную 90-летию юбилею Государственного музея этнографии — ныне Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге, мне бы хотелось закончить поздравлением, которое получили сотрудники Этнографического отдела Русского музея в связи с его официальным открытием 3 июня 1923 г. от эмигрировавшего в Прагу Н. М. Могилянского.

«Милостивые государи и мои дорогие друзья и товарищи по общей работе!

Как раз сегодня, в день открытия Этнографического отдела, получил я Ваши приглашения на это великое торжество науки и музеологии. Великое, мировое торжество! Только будущему суждено дать ему настоящую, заслуженную оценку. Вы создали общими усилиями памятник вечный великому творчеству великого русского народа и народов России. ...Открытием Этнографического отдела увенчалось почти четвертьвековое усилие. Честь и слава! Низкий Вам поклон и великое спасибо, что в этот счастливый день и момент Вы не забыли обо мне, внесшем и свою лепту труда в Ваше славное и великое дело. Душой моей я с Вами в этот момент. Желаю Вам всем от души силы и здоровья на продолжение Вашей работы, а открытому отделу процветания и роста.

Незнакомах приветствую, друзей радостно обнимаю. Ваш душой Н. М. Могилянский»³⁰.

Примечания

¹ Могилянский Н. М. Этнографический отдел Русского музея императора Александра III // Живая старина. Год XX. 1912. Вып. 2. С. 475.

² Там же. С. 473—475.

³ Штернберг Л. Я. Музей антропологии и этнографии имени императора Петра Великого // Живая старина. Год XX. 1912. Вып. 2. С. 454—470; Адлер Б. Ф. Музей этнографии и антропологии имени

императора Петра Великого при Императорской Академии наук//Землеведение. 1904. Год XI. Вып. 1—2. С. 183—204; Станюкович Т. В. Музей антропологии и этнографии за 250 лет//250 лет Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого. Сборник МАЭ. 1964. Т. XXV. С. 5—100; *ее же*. Этнографическая наука и музеи. По материалам этнографических музеев Академии наук. Л., 1978. С. 7—110.

⁴ Янчук Н. А. Дашковский этнографический музей и Отделение иностранной этнографии// Пятидесятилетие Румянцевского музея в Москве. 1862—1912. Исторический очерк. М., 1913. С. 161—182.

⁵ Пыпин А. Н. О задачах русской этнографии//Вестн. Европы. 1885. Т. III. С. 167.

⁶ Там же. С. 168.

⁷ Варб Е. Одно из наших центральных просветительных учреждений. Очерки Румянцевского музея. М., 1898. С. 20.

⁸ Протоколы первого и второго предварительного совещания по вопросам об устройстве и организации Этнографического отдела Русского музея императора Александра III. На правах рукописи, б/д; Смирнов И. Н. Несколько слов по вопросу об организации Этнографического отдела Русского музея императора Александра III//Изв. Императорской Академии Наук. 1901. Т. XV. № 2. С. 225—235.

⁹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее — ПФААН). Ф. I. Оп. 1а. 1903. Д. 150. Л. 11 об., 20 об., 66, 72 об.

¹⁰ Там же. Л. 11 об.

¹¹ Шмит Ф. И. Исторические, этнографические, художественные музеи. Очерк истории и теории музейного дела. Харьков, 1919. С. 40.

¹² Там же. С. 42.

¹³ ПФААН. Ф. I. Оп. 1а. 1903. Д. 150. Л. 66.

¹⁴ Протокол второго, состоявшегося 13 февраля 1901 г. предварительного совещания по вопросам об устройстве и организации Этнографического отдела Русского музея императора Александра III. На правах рукописи, б/д. С. 4—5.

¹⁵ Там же. С. 16.

¹⁶ Там же. Приложение к протоколу. С. VII.

¹⁷ Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи... С. 136, 138.

¹⁸ Протокол второго, состоявшегося 13 февраля 1901 г. предварительного совещания... С. 5, 10.

¹⁹ ПФААН. Ф. I. Оп. 1а. 1903. Д. 150. Л. 66.

²⁰ Могилянский Н. М. Предмет и задачи этнографии//Живая старина. Год XXV. 1916. Вып. 1. С. 11.

²¹ Анучин Д. Н. О задачах русской этнографии//Этнографическое обозрение. 1889. Кн. 1. С. 23—26.

²² Волков Ф. К. Антропология и ее университетское преподавание//Ежегодник Русского антропологического общества при Императорском Петроградском университете. Пг., 1915. Т. V. С. 100.

²³ Могилянский Н. М. Предмет и задачи этнографии... С. 11.

²⁴ Программа для собирания этнографических предметов. СПб., 1902. обстоятельная характеристика программы дана в работе: Лукьянец О. С., Калашникова Н. М. Молдавские коллекции в собраниях Государственного музея этнографии народов СССР. Кишинев, 1990. С. 11—13.

²⁵ Могилянский Н. М. Этнографический отдел Русского музея... С. 496; Харузина В. Н. Этнография. 1909. Вып. 1. С. 47.

²⁶ Харузина В. Н. Указ. раб. С. 40.

²⁷ Штернберг Л. Я. Указ. раб. С. 457.

²⁸ Смирнов И. Н. Указ. раб. С. 235.

²⁹ Там же. С. 228—230.

³⁰ Архив Российского этнографического музея. Ф. 2. Оп. 1. Д. 91. Л. 24—25.

The 90th Anniversary of the Russian Ethnographic Museum in St. Petersburg

The article is devoted to the history of Russian Ethnographic Museum, which was founded in January, 1902 as the Ethnographic Department of the Russian museum of the Emperor Alexander III. Main attention is paid to the analysis of museum conception, worked out by the Russian scholars on the brink of the 19—20 centuries. It had to be a scientific institution for ethnographic study of the Russia population, primarily East Slavs, and to gather relying on the field work museum collection which will give an «ethnic portrait» of every people in Russia. Except field work, method of exhibits collection through the correspondent's network was found to be useful. The presence of some bright ethnic features was the main criteria of exhibit selection. Museum followed this concept till the end of 20 century.